

ЗАВТРАК У ГУЛЬКО

Александр Коварский

Единственный трёхэтажный дом в небольшой для работников торфопредприятия. Первых новосёлов не огорчали печное отопление и деревушке под Ростоком построили в 50-е годы

отсутствие современных удобств, они были счастливы, выбравшись из ветхих хибар и бараков послевоенного времени. Как же: собственные каменные стены...

К 1996 году дом обветшал, и летом приступили к его ремонту. Кровельщики поменяли крышу, плотники сделали новые помещения на просторном чердаке, сантехники установили ванны и батареи отопления, маляры – поштукатурили и покрасили. Бригада электриков, где я работал, подключила новые кабели и заменила газовые плиты электрическими.

Целыми днями в старом доме грохотали отбойные молотки, визжали дрели, из раскрытых окон, словно туман, тянулись клубы серой пыли. Для жильцов, в основном пенсионеров, привыкших к тишине и размеренной жизни, наступили трудные времена. Некоторые, оставив ключи от квартир, уехали на время ремонта к родным, другие, выгнав автомобили из гаражей, обосновались там сами на раскладушках, готовили на плитках. Проходя по одной из лестниц, я обратил внимание на дверную табличку с фамилией "Гулько". Невольно вспомнился известный исполнитель эмигрантских песен – "Поручик Голицын", "Синее небо России", "Белые берёзы" – Михаил Александрович Гулько.

Меня распирало любопытство, хотелось поговорить или хотя бы взглянуть на людей, носящих эту фамилию. Но повод для знакомства не подворачивался – в этой квартире мы ещё не работали. И вдруг удача! Как-то в конце дня меня остановил бригадир:

-Алекс, завтра приноси меньше бутербродов, нас пригласили к фрау Гулько!

Завтрак, обед, кофейная пауза – "святое" время на стройке. Прерывается любое дело, даже самое срочное. Рабочие подкрепляются в ближайшей кантине, а чаще – принесенным из дома: так дешевле, быстрее, и остаётся минутка-другая для отдыха. Обычно устраиваются где-нибудь в раздевалках, кладовых, а если погода позволит, то и на природе.

Ровно в 9 часов бригада электриков в полном составе выстроилась перед квартирой хлебосольной хозяйки. Дверь открыла среднего роста дама пенсионного возраста в очках, с короткой стрижкой слегка вьющихся седеющих волос. Приветливо улыбнувшись, пригласила войти.

Подстелив на стулья газеты (переодеться некогда, на завтрак отпускается всего 15 минут), мы расселись вокруг большого стола в гостиной. Приборы уже расставлены, в вазочке – букет полевых цветов. Меню обычное немецкое: свежие булочки, масло, мармелад,

колбаса, сыр, яйца – кому что нравится. Ну и, конечно, кофе. Озадачило само приглашение: ведь немцы экономны и довольно замкнуты, чужих не жалуют. Хозяйка присела к столу, угощая нас и поддерживая беседу. Я обратил внимание на её голубые глаза: они не были ни большими, ни особенно красивыми, а очень спокойными, хотя где-то в глубине и затаилась смешливая живинка. Во взгляде, как и во всей немного сутулой фигуре, чувствовалась какая-то усталость, не сиюминутная, не вчерашняя, а будто от всей прожитой жизни.

Лишь чашки опустели, фрау Гулько принялась хлопотать: подливала кофе, подносила недостающее. Выяснилось, что она составила график всех занятых на ремонте дома. Когда со словами благодарности мы поднялись от стола, хозяйка пригласила на кухню, открыла дверцу холодильника, сверху донизу заполненного флягами с минеральной водой, и сказала:

-Ребята, дверь моей квартиры всегда открыта, приходите в любое время и пейте, сколько хотите!

Вот это да! Такого никто не ожидал! Уходили с ощущением, будто побывали в гостях у близкой родственницы. Июль выдался жарким, а работа – тяжёлой и пыльной. Встречая наши взмыленные физиономии, многие хозяйки предлагали утолить жажду. Однако угостить, как фрау Гулько, никто не додумался. Почему скромная пенсионерка так участливо к нам отнеслась? Откуда эта чисто русская широта души? Каким ветром занесло сюда даму с украинской фамилией?..

Неожиданно меня перебросили на другой объект, и об удивительной женщине ничего узнать не удалось.

Прошли годы. Однажды летом я проезжал недалеко от деревни, где мы когда-то работали. Вспомнил фрау Гулько и решил навестить. Выдался тёплый вечер. Пенсионерку застал беседующей с соседками на лавочке.

Представился, напомнил о ремонте дома. Моему появлению она не удивилась, сразу узнала:

- Ты ещё закрепил сушилку в ванной комнате, она до сих пор висит, хорошо сделал, а я отдала тебе центрифугу для белья, стояла без дела, только место занимала!

Вот потому-то меня и запомнила!

Фрау Гулько почти не изменилась, разве что добавилась седина да морщинки у рта стали глубже. Голубые глаза глядели так же спокойно и доброжелательно. Она пригласила к себе, сварила кофе.

-Мы не виделись 10 лет, как поживаете, Маргит?

-Я осталась одна. В 48 лет умер мой старший сын, он родился больным: левая половина тела

была парализована. Лечение не помогало, ему становилось всё хуже.

После долгой болезни два года назад скончался муж.

Она замолчала, задумавшись, наверное, о сыне и муже. После паузы я осторожно спросил:

-А больше родных у Вас не осталось?

Фрау Гулько встрепенулась:

-Почему же? Мои дети живут в Ростке: дочь, ей уже 53, работает в Остзеепарке, и два сына, одному 27 лет, он маляр, сейчас без работы, другому 25, служит в Бундесвере. У меня семь внуков и даже один правнук. Они не забывают меня, на выходные обязательно кто-нибудь да появляется.

-А Вы не собираетесь к ним?

-Да дочь всё время уговаривает. Только что я буду делать там среди незнакомых людей? 50 лет прожила в этом доме, все меня знают, и я знаю всех, здесь огород. А в Ростке буду как беженка. Не хочу этого, один раз уже была!

-Как? Откуда Вы бежали?

И Маргит Гулько поведала грустную историю своей жизни.

Она родилась в деревне в Лаузитских горах, что в Судетской области. Семь веков там жили вместе немцы и чехи, было много смешанных семей. Край славился стекольным производством. Немецкие мастера знали много секретов в этом деле, чешские – умели хорошо украсить и упаковать изделия, а купцы-евреи доставляли товары во все уголки земного шара и были самыми большими работодателями. Кооперацией все были довольны. Дедушкина мастерская находилась прямо во дворе их дома. После войны осенью 1946 года всю семью – маму, бабушку, дедушку и 15-летнюю Маргит – посадили на подводу и с небольшим скарбом, разрешалось брать не больше 50 килограмм на человека, отвезли на сборный пункт у железной дороги. Там какое-то время они жили в бараке, а затем в товарном вагоне их долго везли, пока не остановились в городе Тессине, недалеко отсюда.*

Отец погиб в 1943 году под Орлом. Последний раз семья собралась вместе в 1941 году, когда он приезжал в отпуск. "Наверное, больше не увидимся", – тихо сказал на прощание, отправляясь на Восточный фронт. Мать очень плакала.

Я поинтересовался, откуда у неё украинская фамилия?

-Это фамилия моего мужа, – сказала Маргит. – Мы познакомились в 1949 году, когда он вернулся из русского плена. Ему было тогда 22 года. Семья мужа – тоже беженцы, только из Померании, из-под Щеттина. После войны эта

местность отошла к Польше. И фамилия скорее всего польская.

Я вспомнил, как радушно фрау Гулько угощала нашу бригаду в 1996 году, и поинтересовался, почему она устроила завтрак? Ведь мы приносили еду с собой!

-А как же иначе! – отвечала собеседница. – У нас в семье и мама, и бабушка всегда кормили работников!

-Но ведь ремонтировали не только Вашу квартиру, а весь дом, и здесь трудилось человек 50!

-Это не имеет никакого значения, кормить нужно всех!

-Да, но почему угощали только Вы? А Ваши соседки ...

-Так они же – мекленбургские! А я – судетская немка! – с гордостью произнесла фрау Гулько, – у нас так заведено!

Только теперь мне стал понятен столь необычный поступок. Хозяйка добавила кофе в опустевшую чашку, а я задумался о её судьбе.

Во время войны Маргит закончила 8 классов. Затем к власти в Чехословакии пришли коммунисты. Они не разрешали немцам учиться, даже разговаривать на своём языке те боялись. На этом образование девочки и закончилось. Профессию получить не удавалось. Всё-таки один добрый чех взял её в швейную мастерскую и научил немного шить. В 18 лет уже в Мекленбурге вышла замуж, родился первый ребёнок.

Пока мать могла, она сидела с детьми, а Маргит поступила на торфопредприятие, там квалификация не требовалась. Иначе семья не могла прожить. Здоровье мужа в плену было подорвано, он работал слесарем, но часто болел и мало получал. Семья была счастлива, когда получила жильё в новом каменном доме.

-А в чём заключалась Ваша работа? – мне хотелось узнать о ней как можно больше.

-Мужчины на болоте нарезали кирпичиками торф, а мы, женщины, относили его на сухое место и складывали в пирамиды на просушку. Целый день в резиновых сапогах, в накидке, если дождь идёт. Большинство женщин трудилось только летом, а я – весь год. Вначале торф использовали как топливо, а когда людям дали садовые участки – как удобрение, и мы фасовали его в мешки.

На торфоразработки ездила на велосипеде – 10 километров для неё не расстояние. Так проработала 14 лет. С годами больной сын становился всё тяжелее, старая мать уже не справлялась. Приходилось Маргит после смены, а иногда и в обеденный перерыв, им заниматься. Она повредила позвоночник и превратилась в

инвалида с малой пенсией. Сейчас у неё уже нормальная пенсия по старости.

Разговор затянулся. Нужно было уходить, но услышанное тяжёлым грузом удерживало в кресле. Мне открылась ранее неизвестная история целого поколения утративших Родину немецких женщин.

"Что хорошего видела она в своей жизни?" – подумал о собеседнице.

"Не слишком много, пожалуй, лишь

безоблачное довоенное детство", – ответил сам себе.

Меня глубоко тронула нелёгкая судьба Маргит Гулько. Но ведь не озлобилась, не сломилась, не ожесточилась. Осталась участливой, заботливой, даже сердечней ничего не потерявших своих соседок. Мы обменялись адресами. Не знаю, выберется ли она в Гамбург, а уж я-то её точно проведу. Доброе сердце, как магнит, всегда притягивает!

***Примечание:**

По решению Потсдамской конференции в 1945 году, побеждённая Германия потеряла около четверти своих территорий. Немцев изгнали из всех европейских стран, где веками жили их предки. Более 12 миллионов человек остались без домов, имущества, земельных наделов. (Из газет)

